КРОКОДИЛ

№ 27 (1317) МОСКВА 30 СЕНТЯБРЯ 1952 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». ГОД ИЗДАНИЯ XXXI ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

Рис. Г. ВАЛЬКА

КРОКОДИЛ (зажимщикам критики, партвельможам, ротозеям и т. д.): — Сегодня на первой странице вам места нет. Я вами займусь внутри номера!

Мой обзор иностранной печати

ОНИ СМЕНИЛИ РЕПЕРТУАР...

Большое искусство — петь на разные голоса.

Вот, к примеру, английская газета «Файнэншл таймс» рявкнула громоподобным басом:

— Советский пятилетний план потерпел крах, крах, крах, кр-а-а-а-ах!

А вот та же английская газета «Файнэншл таймс» пропела слабеньким, писклявым голосочком:

— Во многих областях развитие советской экономики будет по... по... по... пора... поразительным...

Чем же объяснить эту разноголосицу в одном и том же буржуазном органе печати?

Дело в том, что о «крахе» рупор английских финансовых кругов злобно ревел в 1932 году, в дни первой пятилетки. А о поразительных успехах Советского Союза этот поблекший и увешанный паутиной рупор растерянно и жалобно пищит сейчас, в 1952 году, в дни, когда опубликован проект директив XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану.

Пришлось менять и голос и репертуар.

Надо отметить, что и сегодня и двадцать лет назад выступление лондонской газеты не было сольным. «Файнэншл таймс» — это лишь активный участник хорошо оплачиваемого хора.

Давайте, потехи ради, вспомним, какие пошленькие куплетцы они слагали, какие похабные песенки они певали, пытаясь оклеветать и опорочить первую советскую пятилетку.

Старая, видавшая виды американская дама с Бродвея — газета «Нью-Йорк таймс», — развязно притопывая и вульгарно размахивая руками, старательно выводила:

— Советский пятилетний план — это не план. Это спекуляция!

Лондонский облезлый денди — «Дейли телеграф», — галантно поддерживая американку, подпевал:

— Советская пятилетка потерпела крах.

«Политика», эта намазанная итальянская матрона, говоря о нашей пятилетке, жеманно добавила на своих тёмных страницах:

— Катастрофа, катастрофа...

А рядом одутловатый толстяк — «Каррент хистори» (американский реакционный журнал), — надувая щёки, гудел:

— Провалилась, провалилась! Пятилетка провалилась!..

Но вскоре все они замолкли. То есть вынуждены были замолчать. Потому что им приказано замалчивать победы сталинских пятилеток.

После войны все лягушки империалистического болота дружно заквакали, суля Советскому Союзу дурную погоду.

— Ничего у них не получится! — квакали американские «таймсы» и «посты», говоря о нашей послевоенной пятилетке.

— Нет, не получится! — категорически заявил лондонский журнал «Экономист».

— Я тоже знаю, что у них ничего не получится! — подтвердил мистер Гемпель, учёнейший обозреватель осведомлённого агентства Рейтер.

«Россия будет истощена, если она не добьётся иностранных займов!» — заявил авторитетный мистер Фреунд в такой же авторитетной австралийской газете «Сидней морнинг геральд».

Вскоре они опять вынуждены были набрать воды в рот.

Но на днях они заговорили.

Нельзя было дальше молчать. Надо как-то реагировать на те громадного исторического значения факты и цифры, которые содержатся в проекте директив XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану.

Надо реагировать, а как? Старый репертуар не годится. Не подходит и старая манера исполнения.

Нельзя сейчас по примеру прежних сезонов кричать, нервно дёргаясь:

— Крах... катастрофа... ничего не получится!..

Сейчас на эту ерундовую и дурно пахнущую приманку не клюнет даже самый глупый пескарь из породы обывателей.

И вот приходится скрепя сердце цедить сквозь зубы о поразительных успехах Советского Союза.

Развернём, к примеру, американский еженедельник «Бизнес уик».

«Уик» — неделя. А что такое «бизнес», всякий знает. Одно это слово убедительно свидетельствует о том, какого направления и какой окраски этот печатный орган.

Короче говоря, «Бизнес уик» надо понимать так: неделя бизнеса. Но оказывается, что у этой недели семь пятниц. Ещё недавно писаки из «Бизнес уик» твёрдо и категорически пророчили нам всякие невзгоды. А сейчас, ошеломлённые итогами прошлой пятилетки и грандиозностью задач, намеченных в новой пятилетке, бизнес-джентльмены пробуют даже слабо иронизировать над «западными специалистами, которые сомневались» в том, будут ли достигнуты цели, поставленные советскими людьми.

Что это за специалисты, ясно. Это специалисты по части клеветы и всяких инсинуаций. Они провалились по всем своим показателям. Ведь «Бизнес уик» вынужден сделать и такое печальное для себя и для своих хозяев признание:

«В этом пятилетнем плане не содержится никаких намёков на то, что Москва готовится к войне в ближайшее время».

Один из самых реакционных обозревателей лондонской реакционной газеты «Обсервер», Крэнкшоу, которого смело можно причислить к лику вышеназванных «специалистов», тоже вынужден заявить, ознакомившись с проектом директив по пятилетнему плану, что «это, безусловно, не военный план», что Советский Союз «не готовится к агрессии».

Грустно провокаторам войны: лопается, как мыльный пузырь, легенда об агрессивности советской державы.

«Бизнес уик» пишет об антисоветских «специалистах», а американская газета «Крисчен сайенс монитор» говорит о «наблюдателях». Хотя названия разные, но и те и другие — одного поля ягода. Вернее сказать, и те и другие знают ясли господина своего и кормятся из одной лоханки.

«Как показывает пятый пятилетний план, — пишет, потупив очи долу, «Крисчен сайенс монитор», — русская система планирования оказалась сама по себе более эффективной, чем полагало большинство наблюдателей».

Как «специалисты», так равно и «наблюдатели» сели в калошу. Оттуда несутся их тревожные голоса:

— СССР идёт вперёд по пути мирного социалистического строительства. Мы этого не хотим, но ничего поделать не можем, увы, не можем...

Словом, в этих унылых сетованиях явственно звучит бессилие.

Рис. В. КОНОВАЛОВА

— Из окна нашей квартиры видна Красная площадь.
— А где ты живёшь?
— В высотном доме на Котельнической набережной!

Прошу слова!..

ВЕРНЕМСЯ К НАШИМ БАРАНАМ

СТЕНОГРАММА РЕЧИ КРОКОДИЛА НА НЕСОСТОЯВШЕМСЯ СОВЕЩАНИИ РАБОТНИКОВ ЖИВОТНОВОДСТВА МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Крокодил. Позвольте мне, как говорится, сразу взять быка за рога и подытожить овечек: в колхозах Мурманской области поголовье овец за год уменьшилось почти вдвое. Спрашивается: кто виноват?

Голос из президиума. Объективные причины в лице волков.

Реплика из леса. Клевета! Мы задрали только сотню.

Крокодил. Дело, конечно, не в волках. Дело в начальнике областного управления сельского хозяйства тов. Трусове. Разрешите процитировать? «Опыт работы колхозов по разведению овец показал, что этот вид животноводства для условий Мурманской области не подходит, что он нерентабелен...»

Трусов. Я это писал ещё в 1950 году... Кто старое помянет...

Крокодил. Но это же вы проповедовали и 26 июля текущего года на партийном собрании в областном управлении.

Трусов. А откуда вы знаете?

Крокодил. Мне об этом в редакции «Полярной правды» сказали. Но, как гласит поговорка, вернёмся к нашим баранам...

Трусов. Не надо к баранам, вернёмся к редакции. Наша редакция всё передёргивает и перевирает.

Крокодил. И давно это с ней?

Трусов. С 30 июля 1952 года.

Крокодил. А, понятно. С того дня, когда «Полярная правда» выступила со статьёй «Антигосударственное отношение к важному делу» и раскритиковала вас, тов. Трусов, за овец. Именно после этой статьи вы дали интервью сотруднику газеты в весьма оригинальном, несвойственном коммунисту и советскому работнику тоне. Вас спросили:

— Тов. Трусов, как вы оцениваете создавшееся положение с заготовкой кормов?

Вы ответили:

— Создавшееся положение надо считать вполне естественным, даже нормальным, так как я не могу предотвратить выпадание дождя.

Претерпев эту бестактность, сотрудник газеты задал вам следующий вопрос:

— Что делается для того, чтобы форсировать заготовку кормов?

Вы ответили:

— Делается всё, что надо.

Выслушав после этого несколько оскорбительных грубостей в адрес газеты, сотрудник «Полярной правды» вынужден был прервать интервью.

Так вы отнеслись к критике областной газеты. Критика стенной газеты «Земледелец Заполярья» вас не беспокоит: с помощью заместителя секретаря парткома тов. Клещиной всякая критика из газеты выхолащивается.

Но... вернёмся к нашим баранам. Значит, вы, тов. Трусов, утверждаете, что овца в Мурманской области не приживается. Но наука и практика утверждают обратное. В северных районах Коми АССР, в таких же климатических условиях, овцы разводятся, и разводятся очень успешно. Почему? Мне думается, потому, что там их кормят настоящим кормом, а не вредными «теориями» о нерентабельности разведения овец. Там о них заботятся настоящие хозяева, а не волки.

Голос с места. Товарищ Крокодил, в Коми АССР волки, наверное, воспитанные. А мурманские волки совсем несознательные. Они, понимаете ли, овец из колхозного стада дерут и дерут, а овец, которые в личной собственности граждан, пальцем не трогают.

Крокодил. Действительно, получается странная картина: волки сыты за счёт колхозных овец, а овцы индивидуального сектора целы-целёхоньки. Они, вопреки «теории» тов. Трусова, не только приживаются, но и успешно плодятся. Поголовье овец, находящихся в личной собственности граждан Мурманской области, в три раза больше, чем в колхозах, и оно не убывает, а из года в год прибавляется. Об этом совершенно справедливо и убедительно писала «Полярная правда». Кстати, после выступления газеты пострадали ни в чём не повинные комсомольские пропагандисты. У них на курсах тов. Трусов должен был читать лекцию «О развитии животноводства в Мурманской области». Прочитал тов. Трусов статью в газете и категорически заявил:

— Не буду читать лекцию. Раз меня раскритиковали в газете, не буду!

Думается, это и к лучшему. Но... вернёмся к нашим баранам.

Трусов. А может, не стоит?

Крокодил. Нет, стоит! Обязательно надо вернуться! Не правда ли, товарищи из обкома партии и облисполкома?

В. ГРАНОВ

Неудачный полуфинал

Иван Кузьмич в блокнот взглянул
И весь расцвёл — он предвкушал заранее
Весёлый гул:
На стадионе предстояло состязание.
Но совещанье в тот же час
В блокноте значилось как раз...
И, совещанье отвергая, прямо
Иван Кузьмич машину гнал
На стадион «Динамо»,
Куда «болельщиков» ретивых звал
Полуфинал.
Довольный, прибыл он задолго до начала.
Но вдруг, трибуну оглядев,
Он помрачнел. Как молот, сердце
застучало,
В глазах зажёгся гнев:
Директор увидал начцеха Гончарова
И раскалился, как мартеновская печь, —
Умел Иван Кузьмич распечь.
Труддисциплине посвятил он слово:
— На матче вы в рабочий час!
Да где же совесть-то у вас?!
Я вижу: нет у вас в помине
Понятия о дисциплине!

Иван Кузьмич был подлинно суров,
Но из ответа стало ясно,
Что в отпуску начцеха Гончаров
И вышел из себя Иван Кузьмич напрасно.
Начцеха, человек прямой,
Слегка кольнул его словами:
— Чудно!.. Не знали вы про отпуск мой,
Выходит, в отпуску вы сами!

Догадка об Иване Кузьмиче мелькнёт:
Мол, дисциплины он не признаёт.
Неверно!
Нет у него подобных мыслей в голове,
Он дисциплину признаёт всемерно,
И не одну, а целых две!
Одну — лишь для себя, привольную такую,
Для остальных — другую.

* * *

А надо знать: страна крепка единой,
Неразделимой дисциплиной!

ДЕМЬЯНОВА РАДИОУХА

В известной крыловской басне «Демьянова уха» мы находим следующие строки:

Но если помолчать во время не умеешь,
И ближнего ушей ты не жалеешь:
Так ведай, что твои и проза и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

Теперь нам понятно, что нравоучение великого баснописца можно адресовать не только писателям, но и председателям поселковых советов Бачатского разреза и Чертинских шахт (Кемеровская область). На улицах этих шахтёрских посёлков установлены мощные рупоры, которые, не жалея ушей ближнего, работают чуть ли не круглые сутки. Вот как описывает один из жителей бурную ночь, проведённую в посёлке Бачатского разреза:

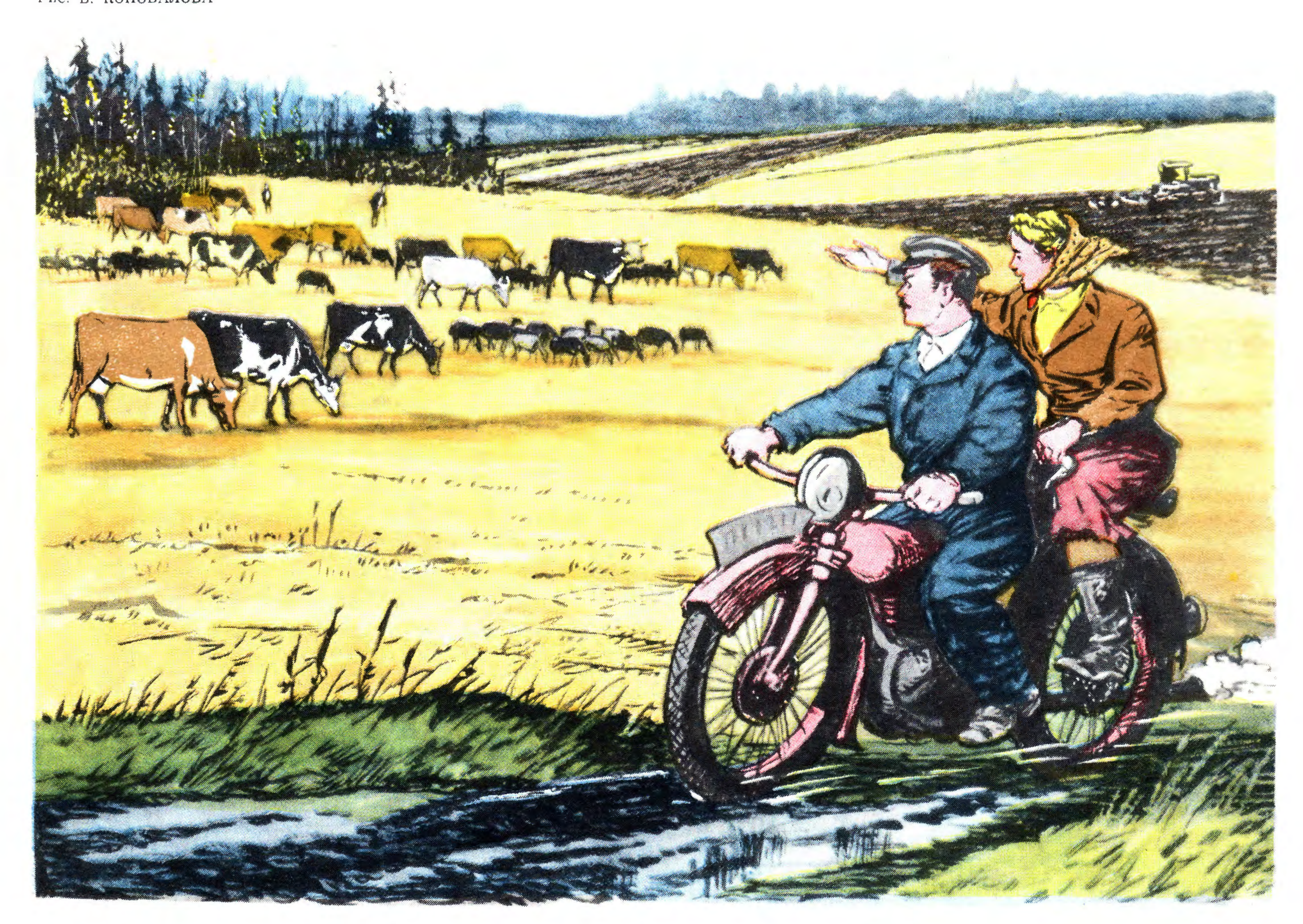
«В половине первого я проснулся от громового возгласа: «Уральский перепляс!» Грянула музыка. Она обрушилась на нас, подобно горному обвалу. Мы попытались укрыться от лавины звуков (закрыли окна, форточки, заткнули уши ватой), но тщетно! Безжалостная звуковая волна всюду настигала нас. Наконец в 2 часа 30 минут новосибирский диктор милостиво объявил о перерыве до 6 часов утра.

«Ну, теперь конец нашим радиоистязаниям», — подумали мы, но тут же были наказаны за свою наивность. Из рупоров донеслись треск, шипение и какой-то грохот. Мы поняли, что дежурный по радиоузлу ушёл спать, а его невыключенный «радиоавтомат» перешёл на передачу атмосферных разрядов. Мы заснули примерно в 5 часов утра. Через час нас сбросил с постели тот же могучий голос: «С добрым утром, товарищи!»

Как известно, гость Демьяна Фока, не выдержав пытки, «схватя в охапку кушак и шапку, скорей без памяти домой — и с той поры к Демьяну ни ногой». Ну, а как быть шахтёрам, которых поселковая администрация круглосуточно угощает радиоухой? Не могут же они ни ногой... к себе домой!

И. ЕФИМОВ

Рис. В. КОНОВАЛОВА

— Хорошо будет нашему стаду будущим летом у воды!
— У какой воды!
— Которая сюда придёт!

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

На партийном собрании он не сидел сложа руки.

Но для проведения в жизнь решения партийного собрания он пальцем о палец не ударил.

ДОЛГ И ДОЛЖНОСТЬ

По утрам в кабинет, на двери которого серебрится надпись «Директор Калининского ремонтно-механического завода Михаил Николаевич Шпынёв», важно входит элегантно одетый мужчина средних лет.

Откинувшись на спинку кресла, Михаил Николаевич бегло просматривает почту, разговаривает басом по телефону, принимает посетителей. Пользуясь правом старшего, часто поучает подчинённых. При этом страсть как любит произносить слово «долг»:

— Быть примером во всяком деле, в большом и малом,— вот долг человека нашего времени!

— Наш долг — строго блюсти дисциплину социалистического общежития!

И так далее, в таком же духе.

Но вот солнце отправляется на покой. Устал от дневных трудов и Михаил Николаевич. На улице Вольного Новгорода, возле дома № 27/38, он выходит из автомобиля. Здесь его квартира.

Вскоре торжественность вечерней тишины нарушается. Воздух содрогается от властного мужского баса. Раздаются женские крики и плач детей. Над деревьями, мирно шелестящими под окнами, взлетают перепуганные воробьи.

Взывая о помощи, из подъезда выбегает заплаканная женщина с двумя малолетними детьми.

Прохожие останавливаются. Узнав, что в этом доме живёт сам директор крупного завода, они возмущаются:

— Жуть берёт, что творится на директорских глазах, а он... в стороне. Ответственный, культурный человек, а вот, поди же, так равнодушен к зловредным пережиткам прошлого...

Не знают прохожие, что директор отнюдь не в стороне. Он муж этой женщины, отец этих детей...

Расскажем всё начистоту.

Последние годы Шпынёв до того усердно поклоняется богу Бахусу, что теряет облик человеческий.

Вот и на этот раз еле в квартиру вполз, сквернословит без зазрения совести. Жена, Валентина Дмитриевна, слёзно умоляла его угомониться, проспаться, а он избил её, выгнал на улицу да ещё пригрозил, что совсем не пустит домой.

Соседи стыдят буяна:

— Михаил Николаевич! Товарищ Шпынёв! Нехорошо получается! Вы порочите звание коммуниста. Вспомните свой долг мужа, отца, человека.

Не помогает.

Кто-то посоветовал пожаловаться в горком партии. Совет помог. После того, как секретарь горкома тов. Овчинников позвонил по телефону домой разбуянившемуся директору, Валентине Дмитриевне было милостиво разрешено мужем войти с детьми в квартиру. Но едва она переступила порог дома, как снова была избита охотничьей плёткой. Назавтра Валентине Дмитриевне пришлось ехать не в школу, где она учительствует, а... в больницу. В акте медицинской экспертной комиссии были написаны страшные слова: «Форма избиения — истязание»...

Шпынёвские проделки стали известны за пределами улицы, где он живёт, и завода, где он работает. С его похождениями ознакомились в Новопромышленном райкоме партии, где он член пленума райкома. Только тогда секретарь тов. Волкова задумалась: «Как быть? Ведь Шпынёв не рядовой коммунист. У него пост высокий, он — шутка сказать — директор!»

И по сей день тов. Волкова не решила, как унять буяна.

Пожимает плечами и секретарь горкома тов. Овчинников. И он давным-давно отлично сознаёт, что дисциплина у Шпынёва — ничего не скажешь!— никудышная, но должность-то ведь у него солидная!

Вот что значит иметь директорскую должность в городе Калинине!

П. ДУДОЧКИН

г. Калинин.

Варвара КАРБОВСКАЯ

ТОЛЬКО ТЕБЕ...

Оля Смирнова умна, красива, молода, здорова, счастлива. У неё высшее образование, у неё увлекательная работа. Она живёт в семье, с отцом и матерью, которые души в ней не чают. Игорь — её первая, чистая, прекрасная любовь. Любовь носит её на крыльях, любовь даже серенький осенний день окрашивает в такие радужные цвета, которые незаметны простому, не вооружённому любовью глазу.

Игорь Воронин, безусловно, стоит такой любви. Он честен и прям, он великодушен и смел, он умён и талантлив. Недаром же ему в его двадцать пять лет поручена такая серьёзная, ответственная работа. И хотя он любит Олю всем сердцем, всем своим существом, он никогда не приносит в жертву любви свою работу. Оля знает это и гордится им.

Вот и сейчас они идут под руку по улице, и Оля спрашивает:

— Значит, ты вылетаешь сегодня в ночь?

— Да, Оленька, в два часа.

— На целый месяц! Мне будет так скучно без тебя!..

— Что же делать, моя хорошая! Я буду думать о тебе. А когда вернусь,— мы не будем откладывать свадьбу, да?

— Да. Ах, если б можно было хотя бы телеграфировать тебе!

— Нет, Оля, ты же знаешь, что нельзя.

— Знаю.— Тяжёлый вздох.— И ни о чём не спрашиваю. Но мне всё время будет казаться, что ты где-то там заболел... что с тобой что-нибудь случилось...

— Вздор какой! Обыкновенная командировка. Ничего со мной не может случиться.

— И всё-таки мне будет думаться... Ты посидишь у нас до отъезда?

— Конечно! До двенадцати.

— Ну, хоть до двенадцати!..

Они сидят на диване в уютной олиной комнате, не зажигая света.

— Я ни о чём, ни о чём не спрашиваю. Я не имею права. У тебя большая, серьёзная работа. И раз это тайна,— значит, тайна. Но я буду так волноваться...

— Оля, девочка моя родная! Ты что, плачешь? У тебя мокрые глаза...

— Не обращай внимания, я возьму себя в руки. Просто мне почему-то очень тяжело.

— Оля! Ты для меня самый близкий и дорогой человек. Я тебе верю, как самому себе. Ведь ты любишь меня?

— Больше всех на свете!

— Тогда... Слушай, Оля... Но запомни: только тебе!

...Ровно в двенадцать они прощаются в прихожей. Выходят олины родители, желают Игорю счастливого пути.

— Я скоро вернусь,— весело говорит Игорь.— Это небольшая командировка,— и он смотрит Оле в глаза.

Оля значительно и строго кивает головой. Последний поцелуй. Шёпотом на ухо:

— Только тебе, помни!

— Да, да, милый, конечно! Ни-ко-му!

Игорь уехал. Первые две недели Оля много работала, не ходила ни в театр, ни в кино. Ложилась в постель с книгой, читала часов до трёх.

— Чтоб ни о чём не думать,— говорила она матери.

— Да о чём тебе думать, Оленька? Игорь скоро воротится!

— Ах, мама, ты ничего не знаешь!..

Прошёл месяц, Игорь не возвращался. Оля затосковала, похудела.

— Она его так любит! — жалостно говорила мужу Вера Игнатьевна.— Может быть, ревнует?

— Ну, матушка моя, они люди разумные, друг другу во всём доверяют. А ты на свой аршин меряешь.

— На какой это ещё на свой аршин? Когда это я тебя ревновала, опомнись! У тебя глупости на уме, а у меня сердце не на месте! Пойду погляжу, что она там делает.

Вера Игнатьевна входит в комнату дочери. Оля лежит на диване.

— Немного болит голова, мама.

— Оля! Девочка моя родная, не скрывай от мамы! Тебя что-то мучает, да?

Оля, всегда такая спокойная, серьёзная, рассудительная, утыкается лицом в подушку. Мать садится рядом с ней на диван, гладит её пушистые волосы:

— А ты скажи, детка, вот тебе и легче станет.

— Мама! Только тебе... Но ты мне дай слово, что ни-ко-му, ни одной душе!

— Господи, Оленька, да ты меня пугаешь! Да кому я могу сказать? Где я бываю? Кого вижу?

— И папе не говори!

— Да нашему папе даже и не интересно!

— Слушай, мама. Но помни, только тебе...

Выслушав дочь, Вера Игнатьевна облегчённо вздыхает:

— Глупенькая ты у меня. Ну что ж тут особенного? Потому он и задерживается, такая командировка. А раз это... как его... засекреченный субъект...

— Объект, мама!

— Ну, объект, какая разница, вот он и разбирается. Разберётся и прилетит, и первым делом к своей Оленьке. Спи, голубка!

Вера Игнатьевна возвращается в свою комнату.

— Алёша, ты спишь?

— Сплю!

— А ты погоди спать. И смех и грех с этими молодыми. Бог знает из-за чего страдает! Ты послушай. Правда, она не велела никому рассказывать, да я никому и не буду, только тебе.

— А раз она не велела, то и не надо! И дура она, что тебе рассказала. Да и от Игоря я не ожидал! Вернётся он, я его пропесочу.

— С ума не сходи! Зачем же меня выдавать? А не хочешь слушать, не надо! Просить будешь — и то не скажу! Вот тебе!

Утром Алексей Иванович и Оля уезжают на работу. Нежданно-негаданно забегает редкий, дорогой гость, сыночек Сеня. Сеня похож на Олю — такой же высокий, красивый, складный. Только нет у него олиной серьёзности. Любит пошутить, посмеяться и выпить не дурак. «Весь в дедушку-покойника, царство ему небесное»,— всегда говорит Вера Игнатьевна. Он добрый и ласковый. Забегает редко, но когда придёт, всегда чем-нибудь порадует мать.

— Мама! Я выиграл по облигации пять тысяч!

— Да нет?!

— Честное слово! Пока не промотал, вот тебе тысячу в подарок.

— Сенечка, зачем? Да ведь тебе самому деньги нужны!..

Сеня целует мать, кружит её по комнате и поёт:

— Без денег как-то веселей, я презираю богачей! И вы уж мне поверьте, к себе возьмут их черти!

— Пусти, сумасшедший! — Вера Игнатьевна опускается в кресло.— Ну, спасибо тебе, родной. Славный ты у меня! Покушать хочешь?

За завтраком они беседуют о семейных делах:

— Как твоя Аллочка поживает?

— Цветёт, хорошеет, наряжается. Деньги есть — кутим, денег нет — не горюем. Между прочим, это она посоветовала тебе тысячу подарить, я бы сам, ей богу, не догадался.

— Вот ведь какая родственная! Нет, я не могу на детей пожаловаться! И ты на хорошей женился, Аллочка хоть и веретено, а сердце у неё доброе. И у Оленьки жених хороший.

— Игорь? Чудесный парень, хотя меня и недолюбливает. А когда же свадьба?

— Скоро. Вот только из командировки вернётся.

— А куда он помчался?

— Куда, куда?! На кудыкину гору! Надо спрашивать: далеко ли? А то удачи не будет.

И хотя в квартире никого нет, кроме них, Вера Игнатьевна говорит шёпотом:

— Тебе-то я, Сенечка, могу сказать, но только тебе! Смотри, ни-ко-му ни полслова!

— Нет, раззвоню на весь белый свет! Что я, не понимаю, что ли!

— Вот то-то же!

Провожая сына, Вера Игнатьевна напоминает:

— Только ты, Сеня, не обмолвись, а то мне перед Олей будет неловко.

— Да ну, мама! Как будто я маленький!

Прошло некоторое время. Однажды вечером Алексей Иванович вернулся с работы хмурый и озабоченный:

— Оли нет дома?

— Нет ещё. А что?

— Большие неприятности!

— Господи! Не пугай!.. Что такое?

— Игоря Воронина сняли с работы и исключили из комсомола.

Вера Игнатьевна бледнеет и хватается за голову:

— Да боже мой! Что же он такое натворил? За что его, Алёша?

— Насколько мне известно, за разглашение государственной тайны. Очень нехорошее дело.

— Алёша! Я просто ушам не верю, сердце так и бьётся... Ведь какой прекрасный молодой человек!

— Значит, не совсем прекрасный. Я сейчас вспоминаю, ведь Ольге же он сказал? А она тебе. А ты...

— Что я? Я... я... я, как могила!

— Ну вот, он, может быть, и ещё какой-нибудь такой же... могиле доверил тайну, а её и раскопали, кому понадобилось.

— Ну уж, милый мой, меня не раскопаешь! Алёша, а как же теперь Оленька?

— Не знаю!

Поплакав, Вера Игнатьевна поднимает мокрые глаза к потолку:

— Каково бы сейчас Оленьке было, если бы они поженились! Раз он такой несамостоятельный человек, государственную тайну неизвестно кому разболтал, ведь это и на Оленьку пятно бы легло. И на всю семью. Я как подумаю, так прямо ноги подкашиваются!.. А теперь она хоть и погорюет, сама в нём разочаруется. Как ты думаешь, Алёша?

— Ничего не знаю, мать!

— Ах, ах, какой неверный человек оказался!..

С РАЗРЕШЕНИЯ ИВАНА ДАНИЛОВИЧА...

Эх, степь! Дали донецкие! Куда ни глянь, курятся сизоватой дымкой терриконики шахт. Как причудливые птицы, распластав крылья, стоят в степи мачты высоковольтных линий. Взад-вперёд снуют потоки автомобилей.

Вот две встречные машины, скрипя тормозами, разом останавливаются. Из легковой выходит начальник Краснодонского монтажного управления № 5 Иван Данилович Иванов. Из грузовой, трёхтонной, пыхтя и отдуваясь, выбирается его подчинённый, начальник первого участка Александр Михайлович Овцын. Оба удивлены неожиданной встречей в степи.

Овцын явно смущён. Он старательно вытирает платком вспотевший лоб, шею. Потом както неопределённо говорит:

— Вот, еду... В Каменск!..

— А по каким, позвольте спросить, делам?

Овцын потупляет взор:

— По личным, Иван Данилович.

— А если поточнее?

— В гости, Иван Данилович.

— На трёхтонке?

Начальник смотрит на подчинённого испепеляющим взглядом. Чувствуя приближение разноса, Овцын пытается отвести удар:

— Да разве ж я один? Вы, Иван Данилович, сами знаете: не я первый, не я последний. Вот, скажем, заместитель ваш, товарищ Сегал, тоже ведь не хуже меня катается. И другие тоже...

— Они ездят с моего разрешения! — обрывает Иванов. — А ты?.. И вообще на других не кивай! Или вот тоже выдумал моду — делать приписки. За несуществующие объекты деньги получаешь! Под суд захотел?

— Да ведь, Иван Данилович...

— Нет, ты лучше ответь: кто тебе позволил на строительстве обогатительной фабрики в Гундоровке такие штуки выкомаривать? А? В апреле на монтаже одного моста девяносто тысяч приписал. В мае по другому мосту — ещё тридцать три тысячи рублей. В июне третий мост как законченный сдал, а где он у тебя? А? Хочешь, я скажу тебе, где? На земле лежит, на опоры не поднят — вот где. А денежки за него ты уже получил... Думаешь, не знаем, сколько ты всего приписал на Гундоровской фабрике? Всё, брат, знаем! На четыреста шестьдесят тысяч рублей всяких выдуманных дел приписал. Без малого полмиллиона! Да ты знаешь, что за такие дела под суд отдают?..

— Так уж и под суд! — обиженно возразил Овцын. — А если судить, так не меня одного...

— Что-о? — вскипел начальник управления.

— Да ведь акты о сдаче мостов вы сами подписываете. И опять же не я первый...

— На других кивать нечего! Тем более — на меня! Я особая статья: если я разрешил, делай, но без меня не моги!

— С вашего разрешения и делаю, Иван Данилович. И на трёхтонке тоже... это самое... Ведь по вашему указанию за начальниками участков закреплены трёхтонные грузовики. В личное пользование. Вот я, скажем, еду на трёхтонке, а по вашему приказу это не трёхтонка, а «Победа» или, может, «Москвич». Одним словом, лег-ко-ва-я. А на легковой и в гости можно съездить.

— А шофёр чей? Небось, сверхштатный!

— А хоть бы и так! Не я, Иван Данилович, первый, не я последний. Вот и у вас в управлении шесть человек сверх штата содержатся...

— Ты, Овцын, просто неисправим, — холодно резюмирует начальство. — Или вот тоже привычку взял! Если автомобили все в разъезде, вызываешь трактор. И восседаешь рядом с водителем. И катишь себе на тракторе за десять километров домой обедать или ужинать.

— Есть грех, Иван Данилович...

И тут Овцын мог бы сказать, что и само начальство не всегда на легковой машине ездит. На ней больше жена Ивана Даниловича по домашним делам разъезжает. А сам Иванов в таких случаях пользуется такой же, как и его подчинённые, трёхтонкой...

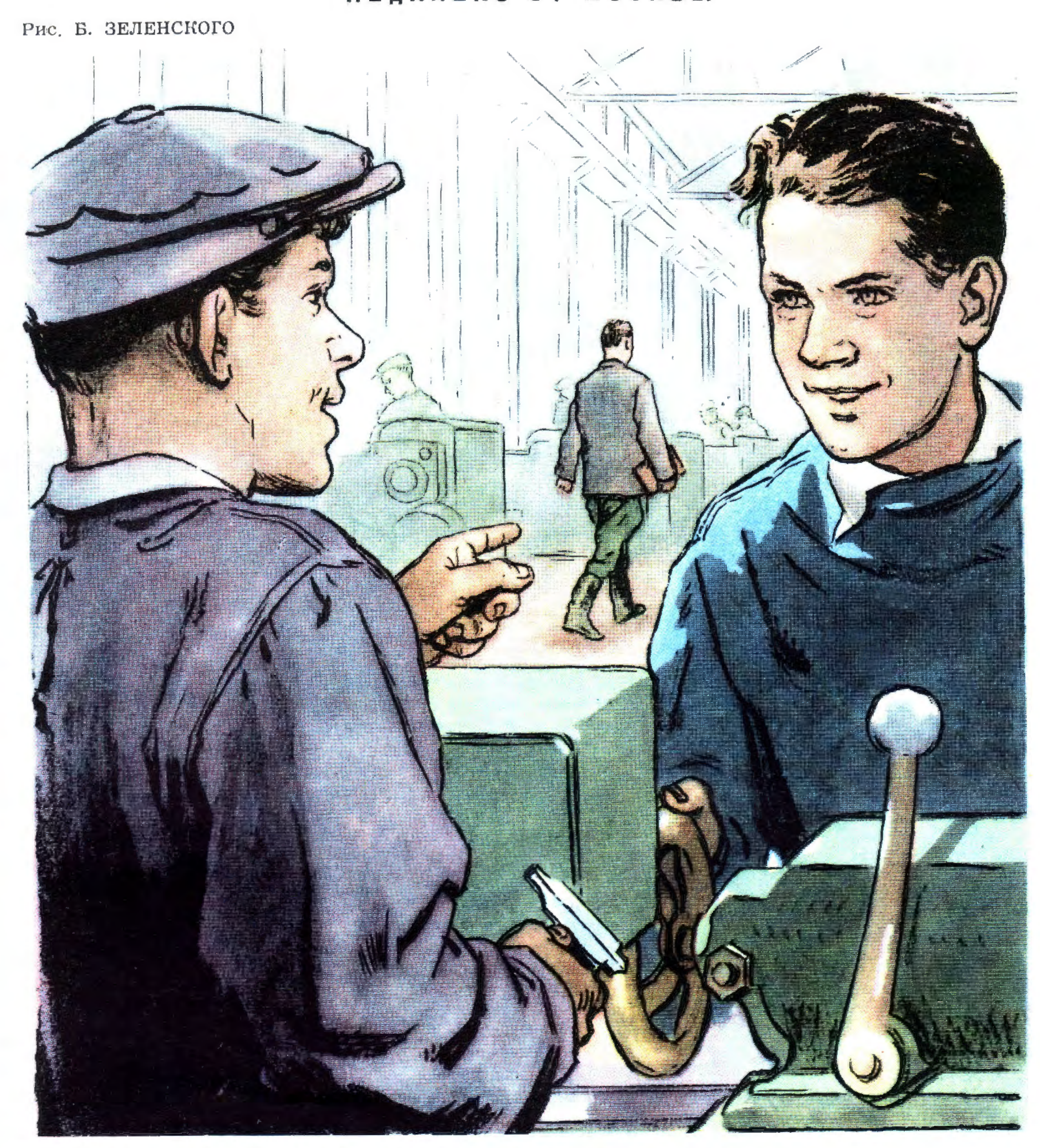
Но Овцын не стал кивать на Ивана Даниловича: тот ведь ужасно не любит, когда на него кивают подчинённые.

М. БУРЕНКОВ

г. Ворошиловград.

НЕДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ

Рис. Б. ЗЕЛЕНСКОГО

— Почему так волнуется наш делегат на съезд!
— Боится, что пока довезёт отчёт о работе завода, многие цифры устареют!

ТРИ даты

Близится знаменательная дата — двадцатипятилетие со дня открытия Пензенской обсерватории.

Расположенное на красивом взгорье здание обсерватории с двумя высокими башнями — любимое детище пензенцев. Они принимали самое близкое участие в его строительстве и оборудовании. Многие тысячи горожан и жителей окрестных сёл, рабочих и служащих, колхозников и школьников слушали здесь лекции о происхождении вселенной, поднимались по узкой лестнице под металлический купол, рассматривали в телескоп луну и звёзды. И всем этим с полным основанием гордились руководители исполкома областного совета и отдела народного образования.

Каждый раз, когда надо было отчитаться в массовой культурно-просветительной работе, пропаганде естественно-научных знаний, борьбе с предрассудками, на первый план всегда выдвигалась обсерватория. Она неизменно фигурировала и в отчётах облисполкома, и в докладах горисполкома, и в речах работников отдела народного образования.

В 1942 году порывом бури был сорван вращающийся купол смотровой башни, повреждён один из телескопов. Общественность, естественно, взволновалась. Но руководители областного совета, городского совета, отдела народного образования вполне авторитетно разъяснили:

— Обсерватория нам нужна? Безусловно. Мы ею гордимся? Гордимся. Значит, можете, товарищи, не беспокоиться: всё будет в порядке.

Но через некоторое время выяснилось, что восстанавливать обсерваторию куда более хлопотно, чем гордиться ею. И сорванный бурей купол никак не водружался на своё законное место. И телескопы были постепенно убраны в подвал. И у парадного входа появилась вывеска совсем другого учреждения.

А общественность продолжала волноваться и трижды — в сентябре 1948 года, в мае 1949 года и в апреле 1951 года — напоминала со страниц областной газеты о безвременно закатившейся звезде обсерватории. И вслед за каждым печатным напоминанием в здание на взгорье устремлялись целые экскурсии обследователей. Они деловито осматривали всё внутри и снаружи, поднимались на крышу, измеряли площадь рулетками, производили всевозможные подсчёты. И, само собою разумеется, подробно докладывали о результатах пославшим их руководителям исполкома областного совета, исполкома городского совета и отдела народного образования. А те выслушивали своих посланцев, заносили в протокол весьма интересные решения. И...

И вот пензенцы с душевным сокрушением отмечают не одну, а сразу три знаменательные даты:

двадцатипятилетие со дня открытия Пензенской обсерватории,

десятилетие её вынужденного бездействия и

годовщину со дня последнего развёрнутого решения о восстановлении обсерватории.

Развёрнутого, но, как и все предыдущие, не выполненного.

М. НЕЧАЕВ

г. Пенза.

ГЕРОИ НЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

(ДОКУМЕНТАЛЬНО-ХРОНИКАЛЬНЫЙ РОМАН)

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

— Яков Владимирович не считается с голосом масс.
— Значит, на перевыборах недосчитается голосов!

Рис. Бориса ЛЕО

— Мой муж на ответственной работе, и мне приходится хранить государственные тайны.
— Так это твой муж должен хранить!
— Он не умеет...

1. МИНИСТРУ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ БССР В. ИСИДОРОВУ ОТ ДИРЕКТОРА ЦЕНТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА КУРОРТОЛОГИИ А. ТРЕТЬЯКОВА

«Уважаемый тов. Исидоров. Я узнал, что Вы недавно в каком-то учреждении проходили лечение диэтической терапией. Так как этот метод лечения мы изучаем в нашем институте, мне хотелось бы связаться и обменяться опытом с тем учреждением, где Вы лечились... Я очень прошу Вас назвать мне это учреждение и должностное лицо, с которым удобнее всего связаться. А. Третьяков».

2. ОТ ТОВ. ИСИДОРОВА ТОВ. ТРЕТЬЯКОВУ

«Уважаемый Андрей Фёдорович. В своём письме Вы просите меня сообщить, в каком учреждении я лечился новым методом диэтической терапии и с кем связаться для обмена опытом.

Лечился я этим методом в Центральном институте курортологии, где Вы и тогда были директором. Следовательно, для обмена опытом Вам следовало бы связаться с Вашим сотрудником, автором этого метода, доктором Нарбековым.

Я собственными глазами видел крайне ненормальную обстановку вокруг работы д-ра Нарбекова и его помощников... С Вашей стороны не принимались какие-либо меры к ликвидации этого уродливого явления... Вы продолжаете сохранять или равнодушие, или нейтралитет в этой борьбе старого, консервативного с новым, или, в худшем случае, втайне стоите на стороне консерваторов. Считаю необходимым заявить, что Вы утратили драгоценное качество большевика — чувство нового...»

3. ИЗ ДОКЛАДА А. ТРЕТЬЯКОВА НА ЗАСЕДАНИИ УЧЁНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА

«Прошу критически отнестись к нашей деятельности, смело указать на наши недочёты, высказать свои пожелания».

4. ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НАУЧНОГО СОТРУДНИКА ИНСТИТУТА ТОВ. АРХИПОВОЙ НА ПЛЕНУМЕ КУРОРТНОГО СОВЕТА

«Несмотря на всю серьёзность проблемы, поднятой новатором-врачом Нарбековым, его работа упорно остаётся вне поля зрения руководителей института... Директор А. Третьяков в отчётном докладе даже не упомянул о замечательных результатах, полученных Нарбековым. Работа ведётся лихорадочно и находится под угрозой срыва».

«...В докладе профессора А. Герке (заместитель директора по научной части) ясно представлено непонимание учения Павлова в ряде вопросов... Руководство института предоставляет полную возможность для вульгаризации и профанации учения Павлова в лечебном деле... Вместо того чтобы, вооружившись учением Павлова, делать новые шаги вперёд, Центральный институт курортологии не может освоить даже самого павловского учения».

5. ИЗ ОТВЕТНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ ТОВ. ТРЕТЬЯКОВА

«Заявление тов. Архиповой, что руководство института не помогает Нарбекову,— ложь...

Тяжело было слушать клевету Архиповой!»

6. ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ДОКТОРА АРХИПОВОЙ В МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР

«Профессор Герке швырнул мой рапорт, сказав мне: «Вон из моего кабинета, нахалка! Ваша личность давно уже мне не нравится. Вон, вон из кабинета!..» Я ушла, подавленная и оскорблённая.

Как можно руководству так реагировать на критику недостатков? Я пока беспартийная, но смелости говорить правду и критиковать, невзирая на лица и авторитеты, учусь у большевистской партии и не должна быть наказана за это руководством. Это в наше время — дикое явление».

7. ИЗ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ВЫДАННОЙ ИНСТИТУТОМ ТОВ. АРХИПОВОЙ ДО ЕЁ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ПЛЕНУМЕ КУРОРТНОГО СОВЕТА

«Тов. Архипова к работе относилась серьёзно и добросовестно. За период пребывания в клинике вела различную общественную работу (агитатор, профорг)».

«Дорогая тов. Архипова. Дирекция, парторганизация и местком Центрального института курортологии выражают Вам благодарность за Ваше активное участие в массово-политической работе по выборам в Верховный Совет СССР.

Директор А. Третьяков (и другие подписи)».

8. ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ МЕСТКОМА ИНСТИТУТА, ПРОВЕДЁННОГО ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ АРХИПОВОЙ НА ПЛЕНУМЕ

«Местный комитет констатирует, что доктор Архипова противопоставляла себя общественным организациям и коллективу... Систематически дискредитировала ведущих работников института.

На основании вышеизложенного местный комитет решительно осуждает поведение доктора Архиповой как недостойное научного сотрудника и члена профсоюза. Местный комитет постановляет вынести доктору Архиповой общественное порицание».

9. ИЗ ПИСЬМА ЗАМЕСТИТЕЛЯ МИНИСТРА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР ТОВ. ШАБАНОВА ДОКТОРУ АРХИПОВОЙ

«Министерство здравоохранения СССР, разобрав Ваше заявление, согласно с Вами, что работе отделения доктора Нарбекова дирекцией института курортологии не уделялось достаточного внимания... Директору института указано на тенденциозность его выступления».

10. ИЗ ПРИКАЗА ПО МИНИСТЕРСТВУ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР ОБ УЛУЧШЕНИИ РАБОТЫ ИНСТИТУТА КУРОРТОЛОГИИ

«Имеющиеся в работе института существенные недостатки в значительной мере объясняются тем, что директор института подменяет живое творческое руководство массой бумажных распоряжений... Формальное бумажное руководство приводит к отрыву директора от коллектива работников института... Заключения директора на заседаниях Учёного совета носят, как правило, ультимативный характер...

Всё вместе взятое не только не способствует развёртыванию критики и самокритики, но, несомненно, сковывает творческую работу научного коллектива».

11. ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ТОВ. АРХИПОВОЙ ЗАМЕСТИТЕЛЮ МИНИСТРА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ТОВ. ШАБАНОВУ

«Жизнь и обстановка в институте сложились для меня крайне тяжело. Меня травят... Со мной грубо расправляются за мою борьбу с недостатками... Прошу у Вас защиты и поддержки!»

12. ПРИКАЗ ЗАМЕСТИТЕЛЯ МИНИСТРА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР ТОВ. ШАБАНОВА

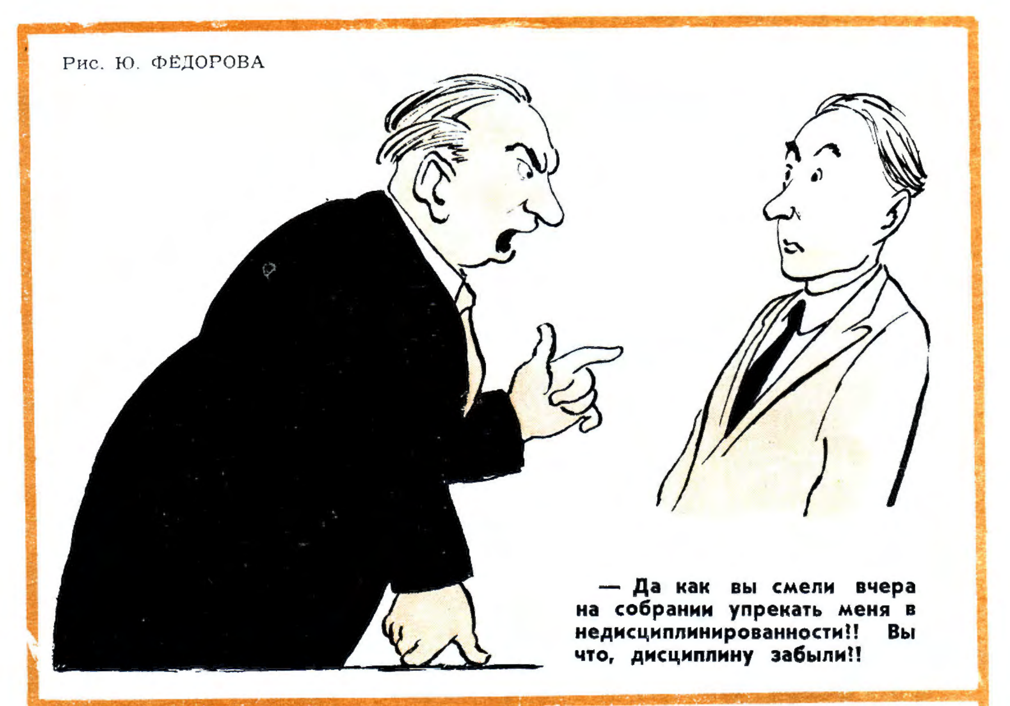
«...Директор Центрального института курортологии А. Третьяков и его заместитель А. Герке на смелую и честную критику недостатков их работы со стороны рядового беспартийного научного сотрудника тов. Архиповой ответили беспринципно и недостойно. С их ведома и попустительства Архиповой создана тяжёлая моральная обстановка, её пытаются компрометировать, грозят увольнением и т. д.

Приказываю...»

Примечание. Все документы, приведённые в романе, являются подлинниками и могут быть каждому предоставлены для ознакомления в Центральном институте курортологии (Новинский пер., д. 6). Однако в целях строгого соблюдения истины мы должны оговориться: невозможно будет получить документ № 10, ибо он тщательно упрятан от общественности и оберегается лично директором, а документ № 12 нельзя видеть потому, что он ещё не написан и не существует даже в проекте.

Ольга ПОЗДНЕВА

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

— Да как вы смели вчера на собрании упрекать меня в недисциплинированности!! Вы что, дисциплину забыли!!

Рис. Б. ФРИДКИНА

— Здорово критикует нас этот паренёк! Чей он родственник!
— Ничей.
— Ничей!! Как же он ухитрился устроиться на работу в нашу контору!

ЕДИН ВО МНОГИХ ЛИЦАХ

КОЛЛЕКЦИЯ ПОРТРЕТОВ ЗАЖИМЩИКОВ КРИТИКИ (ПОРТРЕТЫ МОЖНО НЕ ВЫСТАВЛЯТЬ, НО ОРИГИНАЛЫ ЭТИХ ПОРТРЕТОВ РЕКОМЕНДУЕМ ПОСКОРЕЕ ВЫСТАВИТЬ).

Рис. Бор. ЕФИМОВА

ЗАЖИМЩИК УНТЕР-ПРИШИБЕЕВСКОГО ОБРАЗЦА

— Я им покажу критику! Поплачут они у меня! В порошок сотру!! Уволю «по собственному желанию»!!!

ЗАЖИМЩИК-ПЕРЕСТРАХОВЩИК

— Товарищи! Критикующих меня прошу не забывать, что, критикуя меня, они тем самым осмеливаются критиковать начальника нашего главка Сергея Сидоровича, потому что всё, что я делаю, я предварительно согласовываю с ним.

ЗАЖИМЩИК ИЗ ПОРОДЫ ОТМАЛЧИВАЮЩИХСЯ

— Тут некоторые товарищи, выступавшие до меня, коснулись недостатков в моей работе. Считаю ненужным останавливаться на их несправедливых выпадах, поэтому перехожу к следующему вопросу...

ЗАЖИМЩИК СТИЛЯ «ОТЦЫ И ДЕТИ»

— Критикуя меня, товарищи Петров и Фёдоров забыли, что я старше их, что они ещё сидели на школьной скамье, когда я уже возглавлял это учреждение. Стыдно вам, товарищи Петров и Фёдоров, и т. д...

ЗАЖИМЩИК — ЛЮБИТЕЛЬ ПОСЛОВИЦ

— Чья бы корова мычала, а ваша молчала! Яйца курицу учат!! Посмотрим ещё, чья возьмёт: цыплят по осени считают! Попомнят они меня: как аукнется, так и откликнется!!!

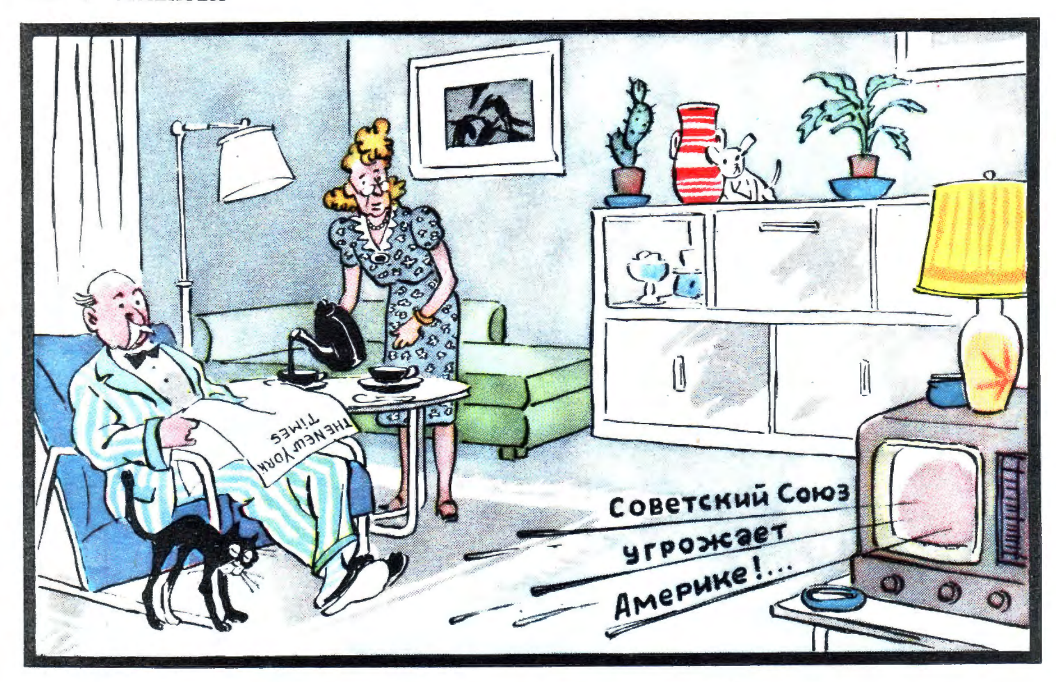

ЗАЖИМЩИК — ПОТОМОК ГОГОЛЕВСКОГО ГОРОДНИЧЕГО

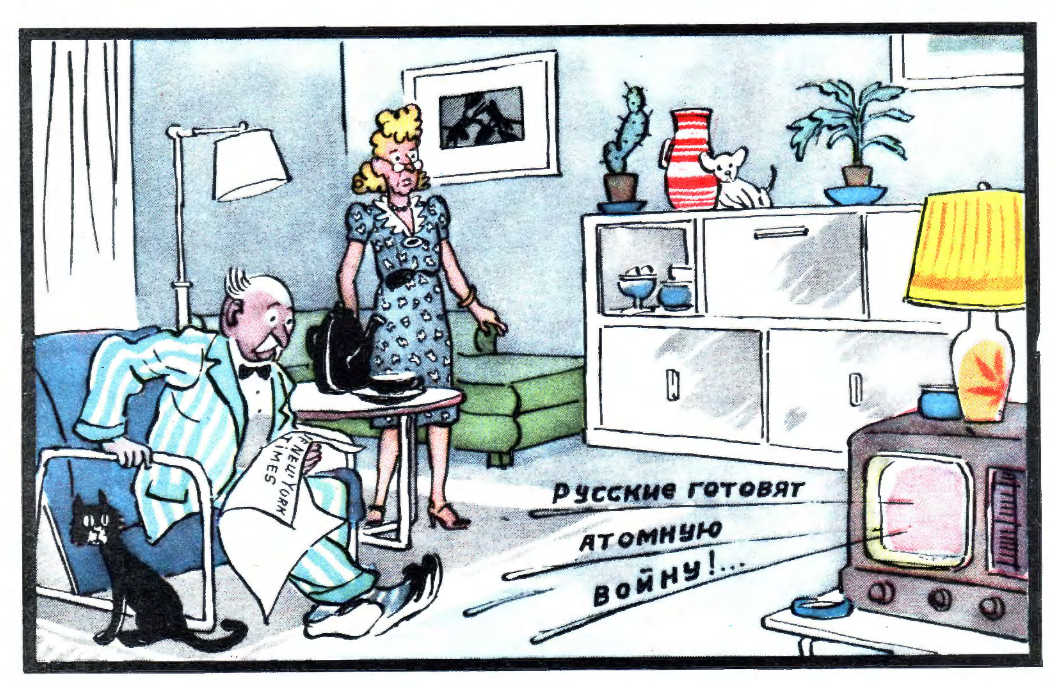
(По поводу критической заметки в районной газете)

— Эх, вы!.. (Стучит со злости ногами об пол.) Я бы всех этих бумагомарак! У, шелкопёры, либералы проклятые!

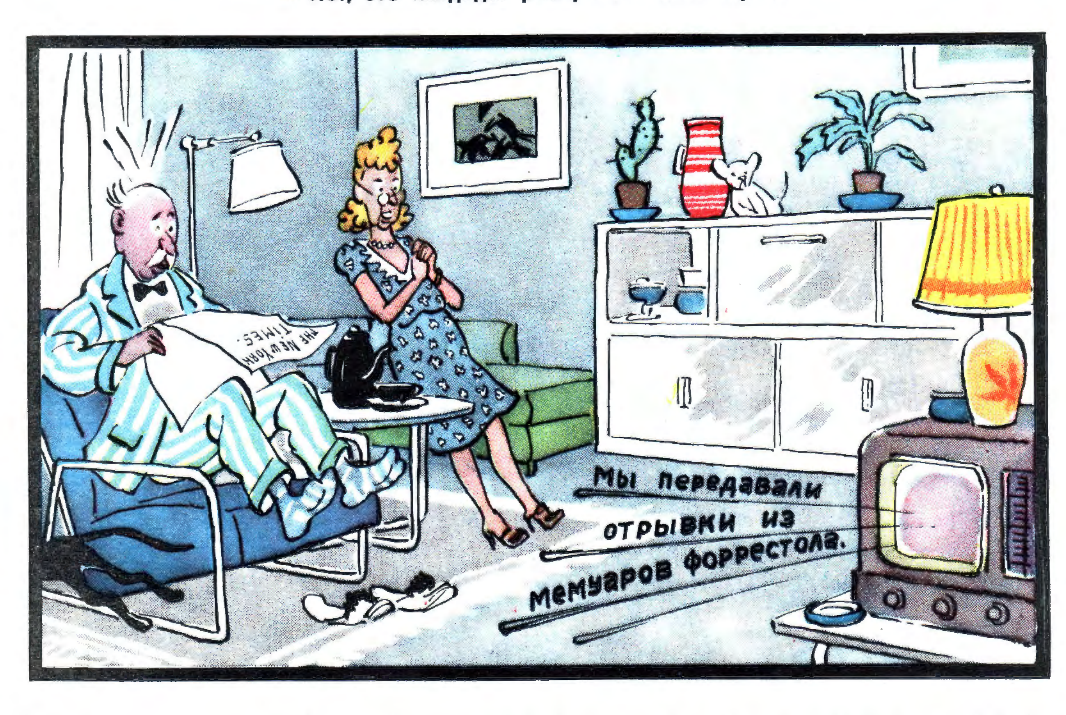
Рис. И. СЕМЁНОВА

— Это выступает кандидат демократической партии!

— Нет, это кандидат республиканской партии!

ИЗБИРАТЕЛИ СЕНАТОРА ГАРЛОУ

В одном американском городе собрание избирателей обсуждало кандидатуру сенатора Гарлоу на предмет его переизбрания.

— Я категорически против этой кандидатуры! — вскричал, выходя на трибуну, молодой учитель Фрей.— Во время отпуска я побывал в Вашингтоне и имел возможность ознакомиться там с махинациями этого мошенника...

Собравшиеся с любопытством уставились на оратора. Сейчас начнутся разоблачения!

— Знаете ли вы,— гневно продолжал тот,— что за взятку в 5 тысяч долларов он освободил от всякой уголовной ответственности муниципального чиновника, присвоившего значительно более крупную сумму? Я располагаю всеми необходимыми доказательствами...

Это сообщение явно заинтересовало сидевшего в первом ряду мистера Петерсона. Физиономия его осветилась лукавой улыбкой.

Оратор между тем продолжал громить продажного сенатора:

— Знаете ли вы, сколько заплатил мистеру Гарлоу один консервный фабрикант за право поставок для армии? 50 тысяч долларов! У нашего сенатора неплохие доходы...

На сей раз Джим Кеннеди, сидевший тоже в первом ряду, многозначительно ухмыльнулся.

— Но и это ещё не всё, друзья мои! Сенатор Гарлоу покровительствует банде, которая наживается на содержании притонов для игры в рулетку. Эти прохвосты действуют совершенно открыто, потому что их оберегает влиятельный защитник. Конечно, и тут не обходится без крупных взяток...

При этих словах двое многообещающих молодых людей, Том и Дик, восторженно переглянулись.

Сейчас же после собрания муниципальный чиновник Петерсон сел в поезд и поехал в Вашингтон. Ему угрожали серьёзные неприятности, так как в городской кассе обнаружилась солидная недостача.

Сенатор Гарлоу привычным жестом сунул чек в боковой карман:

— Будьте спокойны. Считайте, что всё улажено. Кстати, кто вас ко мне направил? Ведь в вашем городе меня мало знают.

— Ах, на собрании о вас так подробно рассказывал учитель по фамилии Фрей...

Сенатор благодарно осклабился.

Следующим был Джим Кеннеди, владелец большой макаронной фабрики. Он предложил взять на себя поставки для армии. Быстро сошлись в цене и ударили по рукам.

Затем прибыли Том и Дик. Они изложили далеко идущий план создания мощной сети притонов для игры в рулетку. Сенатор тотчас согласился принять благородную роль покровителя, а также аванс.

Неделю спустя учитель Фрей получил письмо. Из конверта выпал чек. Письмо гласило:

«Дорогой сэр! Как приятно иметь друзей и почитателей среди граждан, живущих столь далеко от столицы! Благодарю Вас за бескорыстную помощь. Вы помогли мне завербовать новых клиентов. Очень прошу Вас продолжать подобные рекламные выступления на собраниях Вашего округа. В знак моей глубокой признательности позволяю себе приложить к письму чек на весьма скромную сумму; это лишь бренный символ той благодарности, которую я испытываю.

Сенатор Гарлоу».

Перевод с немецкого.
Из австрийской газеты «Эстеррейхише фольксштимме».

Рис. А. КАНЕВСКОГО

В ООН

— Американские делегаты и слушать не хотят о разоружении!
— Зато говорят о нём много...

В АВСТРИИ

«Я застрелил Джесси Джемс»,— радостно откровенничает реклама нового американского фильма. Названия других картин более лаконичны, но не менее преступны: «Воздушный гангстер», «Убийство», «Затравленный». По вечерам эти рекламы вспыхивают над кинотеатрами Вены, распространяя ослепительное сияние американского образа жизни. В прошлом году Австрия получила более двухсот таких фильмов и несколько миллионов книжек бульварных романов, где столь же энергично проповедуется новая заповедь Нового света: «Убий!»

В этом году США продолжают трогательно заботиться о духовном развитии отсталых австрийцев, причём заботливость, как и прежде, не ограничивается рамками изящных искусств. В городке Велье американцы поленьями избили 64-летнего Эдуарда Газлингера. Недавно молодчик-янки затоптал ногами студентку консерватории «Моцартэум», отказавшуюся принять его галантные ухаживания. На автострадах американские солдаты выбрасывают на полном ходу из машин австрийских шофёров.

Зальцбург, город старинной архитектуры и традиционных музыкальных фестивалей, город, в котором родился великий Моцарт, ныне превращён в одну громадную казарму, в гигантский рассадник американского образа жизни. Вместо «Ночной серенады» Моцарта жители Зальцбурга слушают завывания сирен мчащихся по улицам бронемашин. В бессмертной моцартовской опере «Дон Жуан» весёлый Лепорелло поёт о многочисленных любовных победах своего легкомысленного хозяина и разворачивает перед зрителями огромный, на всю сцену, список имён обольщённых красавиц. Теперь в Зальцбурге не до весёлых арий: ежедневно растёт список девушек города, изнасилованных американской солдатнёй.

Обширная программа американской «помощи» не исчерпывается насаждением заокеанской морали. Недавно австрийский канцлер Фигль горячо благодарил американские власти за ежегодные 2,5 миллиарда шиллингов, отпускаемых Австрии по «плану Маршалла». О том, какие чувства вызывают у австрийцев 8,6 миллиарда шиллингов, идущих на «оборону», благодарный канцлер, естественно, не упомянул.

На нужды этой таинственной «обороны» общинный совет города Леобена выделяет из своего бюджета более полутора миллионов шиллингов. Общинный совет настроен оптимистически. Он надеется, что три тысячи безработных рабочих Леобена восторженно примутся за строительство казарм для возрождаемой австрийской армии.

Американцы конфисковали землю у жителей Зиденхейма и построили на ней военный лагерь. Они оборудуют танковый полигон у живописного озера Зальцахзее, строят аэродромы, стратегические дороги, военные склады. Поспешность в осуществлении этих мероприятий будет вполне понятна, если учесть их полное несоответствие международным соглашениям.

Однако по нынешним временам необходимо поставить превращение Австрии в «Альпийскую крепость», так сказать, на «законную» почву. Поэтому американцы спешат заключить с австрийским правительством «сокращённый» договор. «Сокращённый» договор должен означать дальнейшее сокращение австрийских свобод и мирного строительства, сокращение заработной платы и т. д.

Впрочем, никакой «сокращённый» договор не в состоянии «сократить» решимость австрийского народа в его борьбе за мир и свободу.

С. ИВАНОВ

В ЯПОНИИ

Был май. Цвели вишни. Вдали чётко вырисовывался контур священной горы Фудзияма. Командующий американскими войсками в Японии генерал Кларк произносил очередную речь. «Именно здесь,— сказал он, имея в виду Японию,— мы видим решимость американцев защищать народы Дальнего Востока». Откашлявшись, генерал жёстко добавил: «Крестовый поход будет продолжаться».

Что именно подразумевал Кларк под «защитой народов» и «крестовым походом»?

В сумерках, прокрадываясь домой, горожанин вздрагивает от близких выстрелов. Мимо мчится один из американских «рыцарей». Он преследует молодую японку, время от времени постреливая вправо и влево, чтобы никто не путался под ногами. Горожанин слышит угрожающее рычание на английском языке, мольбы о помощи на японском, звон стекла и снова выстрелы. Ошибки быть не может: воины христианнейшего генерала Кларка отправились в свой ежевечерний поход на пивные. Обычно такие набеги кончаются победой вооружённых до зубов крестоносцев. Недавно, например, был до полусмерти избит владелец пивной Тадааки Вада. Пока он лежал в беспамятстве, победивший его отряд «рыцарей» поднимал пенящиеся кружки и пил за здоровье знакомых дам.

Днём крестоносцы скучают. Недавно трое участников крестового похода — моряк и два солдата — в поисках развлечений изломали машину японского шофёра. Скучающих доставили в японскую полицию. Здесь моряк ловким гангстерским жестом выхватил револьвер у японца-полицейского и открыл беглый огонь по присутствующим.

Генерал Кларк в упомянутой речи заявил: «Американские войска приложат наивысшие усилия для защиты мира и справедливости». Каковы будничные «усилия» христолюбивого воинства? За один месяц — сотни убийств, ранений, изнасилований, краж, грабежей и мошенничеств. Сообщившее об этом Управление государственной полиции Японии, понятно, не упомянуло о таких скромных повседневных «усилиях», как «толканье» японских граждан, «битьё стёкол в окнах» и т. д.

Что же касается «наивысших усилий для защиты мира и справедливости», то в этой области американские крестоносцы превзошли самих себя. Недавно, например, жителей острова Гаджа разбудило жужжание самолёта и сухой пулемётный треск. Для некоторых жителей это пробуждение было последним. С воздуха был обстрелян также остров Такара. Даже японское радио признаёт, что «защитники народов» уже неоднократно развлекались, бомбя и обстреливая землю Японии.

Осень. Отцвели вишни. Вдали силуэт священной горы Фудзияма. На этом, с детства знакомом силуэте всегда отдыхал взор рядового японца, ежедневно толкаемого и унижаемого орущим и регочущим стадом, обряженным в защитные формы новых крестоносцев. Сейчас чистые контуры Фудзиямы омрачены. На вершину горы американцы взгромоздили свою радиостанцию. Вековая тишина нарушена лающими голосами янки.

...Кстати, справочники отмечают, что Фудзияма — вулкан. И притом — действующий.

Н. ИЛЬИНА

В Северо-Западном Китае создаётся полоса полезащитных насаждений протяжением в 1 500 километров.

Рис. И. СЕМЕНОВА

Новая Великая китайская стена.

В. БАХНОВ,
Я. КОСТЮКОВСКИЙ

БАСНЯ о Морали

Медведь, проспав, не вышел на работу,
Что было с ним уже не в первый раз...

Прислали за прогульщиком енота:
— Ступай ко льву! Он звал тебя сейчас!

Медведь, сказать по правде, задрожал,
Вздыхая безнадёжно,
Встал с кровати,
Пошёл ко льву,
И вид его являл
Готовность к нахлобучке и расплате.

Но лев медведя попросил присесть
И молвил с назидательною миной:
— Скажи мне, по каким-таким причинам
Ты, ай-я-яй,
Свою мараешь честь?

Услышав это мягкое начало,
Медведь подумал, что не всё пропало,
Коль ловко повести себя теперь,
И так сказал:
— Да я же тёмный зверь.
Вот у меня с учёбой не в порядке,
А с этим все мирились до сих пор.
Кто помогал изжить мне недостатки?
Кто расширял мой узкий кругозор?
Я ж с юных лет живу один в лесу,
Мне всякая культура непривычна,
Я даже
Лапу грязную сосу,
Хоть это, может, негигиенично!

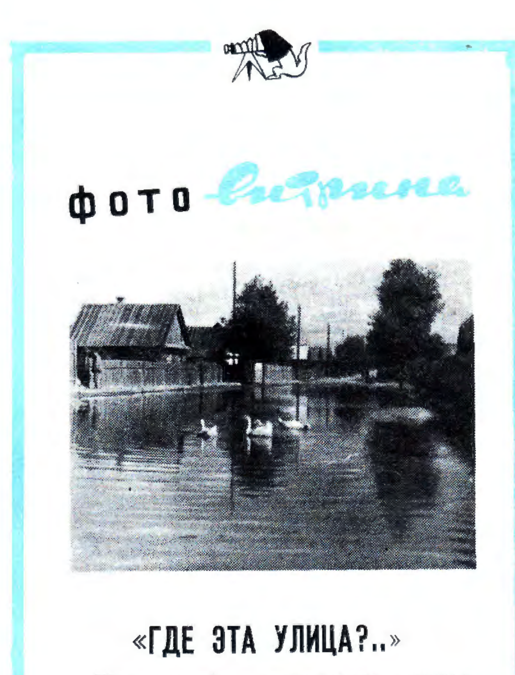
И начал лев медведя просвещать
Лирическим и задушевным словом,
Нравоученья нежные читать,
Цитировать Крылова, Михалкова...
Он в раж вошёл, он был как во хмелю
От собственного словоизверженья.
А мишка думал:
«Это я стерплю!
Давай, давай! Морали я люблю,
Мораль-то не приказ об увольненьи!»

И всё же речь начальства своего
Медведь сумел дослушать еле-еле:
Слова нагнали дрёму на него,
Он спать пошёл
Теперь уж на неделю.

* * *

Мораль?
Мы в этой басне показали,
Что иногда, увы,
Вредны морали!

ФОТО витрина

«ГДЕ ЭТА УЛИЦА?..»

Как спокойна и величава водная гладь!

Как безмятежно купаются здесь гуси, утки и другие водоплавающие!

Но что же это за водный массив? Озеро, искусственный пруд, бассейн?

Нет, к сожалению, это Двинская улица в посёлке Малая Слепянка г. Минска.

Не хватает только лёгкой байдарки, чтобы прокатить по этой луже руководителей местного совета.

Подумать только, как стремительно летит время и как быстро новое содержание меняет смысл пословиц!

Кажется, ещё совсем недавно, желая уязвить собеседника и откровенно выразить недоверие к его несбыточным предположениям, говорили:

— Ну, батенька, заврался! Скорее реки потекут вспять, чем это будет!

И вот мы сидим с инженером Яковом Львовичем Волошиным на высоком берегу реки Ингульца, и я слушаю рассказ о том, как эта самая река потечёт вспять.

Ингулец — речка малолитражная, под конец лета совсем пересыхающая. Но она оказалась в зоне Южно-Украинского канала, и так как окрестным колхозам вода нужна позарез, советские люди решили исправить ошибку природы. Они предложили мелководной речке жить по новым законам, даже если для этого ей придётся нарушить закон природы, повелевающий притокам впадать в большую реку.

Инженеры знали, что уровень Ингульца и Днепра одинаков. Это как бы сообщающиеся сосуды. А раз так, то стоит взять воду из одного сосуда, и другой немедленно отдаст часть своей воды, лишь бы сохранился общий уровень. Инженеры схитрили и обвели Днепр вокруг пальца. Они решили забрать для поливов всю ингулецкую воду, правильно рассчитав, что могучий Днепр тут же пополнит чуть углублённое русло маленькой речки своими запасами. Но воде придётся течь не так, как она текла испокон веков: не из Ингульца в Днепр, а из Днепра в Ингулец. На этом остроумном принципе и основано сооружение Верхне-Ингулецкой ирригационной системы, призванной оросить огромную площадь в сто тысяч гектаров.

Родители и учителя могут легко использовать этот факт для наглядного доказательства того, сколь необходимо хорошо учиться и знать назубок физику. Было бы весьма печально, если бы Яков Львович Волошин, один из авторов остроумного проекта, получал в школе по физике двойки. Не видать бы тогда ему ни института, ни стройки!

Итак, реки текут вспять на законно-научном основании.

Коснёмся другой пословицы. Когда раньше говорили: «Он гору своротить может», — никому и в голову не приходило понимать это в буквальном смысле. А вот Сильвестр Викторович Драчинский, начальник Снигирёвского строительно-монтажного управления Укрводстроя, не иносказательно, а на самом деле может своротить гору. Теперь он уже, наверное, её своротил, ибо в наши дни «не скоро сказка сказывается, да скоро дело делается!»

Речь идёт о той самой известняковой горе, на которой мы сидели с инженером Волошиным. Сначала эту гору по приказу Сильвестра Викторовича долбили экскаваторщики, а затем взорвали. Что поделаешь: гора, состоящая ни много ни мало из трёхсот тысяч кубометров камня, оказалась не на месте. Она мешала строить насосную станцию, подымающую днепровско-ингулецкую воду на должную высоту.

Есть такая пословица: «Кто проворен, тот доволен».

Возле Запорожья начальник шагающего экскаватора Иван Маркович Гайдаш, прибывший с Волго-Дона, рассказал, как подвела его эта старая пословица.

Дали Ивану Марковичу девять великовозрастных учеников, окончивших школу машинистов электрических шагающих экскаваторов, и сказали:

— Учи темпу!

Гайдаш учил. А как-то раз возьми да и скажи:

— «Кто проворен, тот доволен».

Но подгонять машинистов не следовало. Таким огнём горели глаза будущих начальников шагающих экскаваторов, ученики так были горды своим положением и сказанным доверием, так старались вынуть земли побольше, что об окружающем забыли все — и практиканты и даже сам учитель. Недоучли возможности шагающего экскаватора. Одним словом, к вечеру на участке появилась милиция: обнаружилось, что ученики в азарте засыпали с верхом соседнюю телефонную линию.

Рис. И. СЫЧЕВА

НАЧАЛЬНИК

ЗАМЕСТИТЕ

— Все вопросы решает только начальник. Зачем же тогда существуют его заместители?
— Чтобы направлять к начальнику...

Ивану Марковичу за это тоже «всыпали», но он даже это принял с превеликим удовольствием:

— Какая могучая у нас машина! Работают мои люди хорошо. А когда встанут ученики в забой на трассе канала, — рядом телефонных столбов не будет. Эти же столбы мы откопаем в два счёта!

И откопали. Исправили ошибку.

А вот бригадир комплексной бригады механизаторов в Киселёвке Афанасий Иванович Клеймёнов не только не исправил ошибки, но даже скрыл её.

Дело было так.

20 августа, в день сообщения о созыве XIX съезда партии, бригада Клеймёнова взяла обязательство к 5 октября выполнить план на 140 процентов и вынуть 60 тысяч кубометров земли, а в газете «Бугская заря» появилась цифра «70 тысяч». Бригада не стала писать опровержение, а решила учесть допущенную ошибку и, так сказать, равняться на неё. Пришлось в августе выполнить не 140, а 176 процентов плана.

— Надо же, — говорил Афанасий Иванович, — пословицу оправдать: «Ошибка за фальшь не считается».

Как исключение — да.

Правило же остаётся правилом. Об этом нам напомнил начальник политотдела Укрводстроя Михаил Николаевич Штефан:

— Это можно назвать так: «История трёх ошибок».

Много отличных жилых домов построено и в Каховке, и в Снигирёвке, и в других городах и сёлах на великой стройке. А вот в Васильевке дома построены, а рабочие ходят вокруг да только посматривают: когда же вселяться и праздновать новоселье?

— Что слышно? Как дела? — спрашивают приезжие, ибо тем, для кого построены дома, всё хорошо известно.

— Труба! — коротко отвечают строители.

Оказывается, когда распределяли трубы для сантехники, работники Министерства хлопководства СССР заверили:

— У нас есть 650 тонн труб. Остаток. Всё передадим Южно-Украинскому каналу.

А когда строители поехали за трубами, выяснилось, что работники министерства ошиблись, как первоклассники. Учитывая трубы, они спутали погонные метры с... тоннами, просчитались и подвели стройку.

Вот и получилось, что дело — труба.

И это не единственная опечатка, имевшая неприятные последствия. В том же Министерстве хлопководства СССР работники Главхлопкоснаба не заметили, что при перепечатке заявки на вагоны в третьем квартале была пропущена одна строка. Из-за этого в июле стройка не получила ни вагона леса.

Такая же неприятность вышла и с портланд-цементом для Каменки.

Что такое одна строчка? Мелочь. А вот, поди ж ты, сколько вреда принесла огромной стройке чья-то рассеянность!

Брать бы работникам Министерства хлопководства СССР пример с волгодонцев: они и делать, что нужно, не забывали и добрую память о себе оставили. Так что с памятью у них всё в порядке. Теперь многие из них обосновались на Южно-Украинском канале и трудятся отлично. Любо-дорого смотреть!

Страна шлёт строителям мощную, точную, умную технику. Скучно было на трассе паре шагающих экскаваторов, — теперь к ним прибавляются новые.

В давно прошедшие времена сложили пословицу:

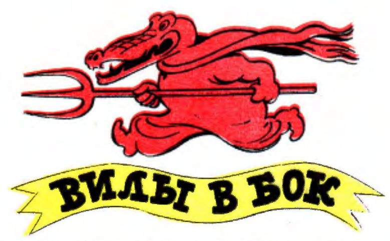
«Человек шагает смелее, когда видит счастье».

В этих словах затаилась мечта о будущем.

Очень подходит эта пословица к нашему быстрошагающему настоящему времени.

Юр. АРБАТ

г. Запорожье — Новая Каховка.

МЕДЛЕННО ПОСПЕШАЯ...

На Кольчугинский завод прилетела телеграмма с просьбой отгрузить для строительства Каховской ГЭС осветительный шнур. Завод отнёсся к этой просьбе благосклонно и сообщил: «В Ваш адрес подготовлено к отгрузке осветительного шнура в количестве 20,0 километра. Отгрузка будет производиться малой скоростью. Нач. отдела сбыта Царёв».

И поехал отгруженный шнур. Только не по прямому пути, со станции Пекша железной дорогой на юг, на что ушла бы неделя, а по маршруту, указанному заводом: от Пекши до Кинешмы железной дорогой, а дальше через Горький, Куйбышев, Саратов водой. Едет он и до сих пор, длится его путешествие уже около двух месяцев. Возможно, что продлится и до нового года, если начальник отдела сбыта тов. Царёв случайно обнаружит на географической карте такие попутные города, как Архангельск, Владивосток и Ашхабад. Что же, изучать географию можно, пожалуй, и «малой скоростью» — это дело вкуса тов. Царёва. Но строителей Каховской ГЭС такая скорость не устраивает.

Тим. ЯКОВЕНКО

Новая Каховка.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ПРИМАНКА

Арнольд Лазаревич Тененбаум— дирижёр клубного духового оркестра. В его руках привычно пляшет дирижёрская палочка. Всё идёт хорошо. Оркестровые инструменты издают бравурные звуки.

Но что это?! Дирижёру вдруг кажется, что местные инструменты начинают играть вяло. Да и сам он, властелин волшебной палочки, вроде испытывает какую-то вялость. «Что бы всё это значило?»— думает про себя Арнольд Лазаревич. И тут внезапно руководителя оркестра осеняет мысль: «Лечить! Всех лечить! На юг! К морю!..»

Арнольд Лазаревич тут же садится за пишущую машинку и в такт какому-то мотиву, который вертится в голове, отстукивает оригинальное творение.

Что же это за творение? Какими мелодиями веет от него?

А чтобы узнать, надо и в самом деле перенестись на юг, к голубому южному морю, в курортный город Евпаторию. Там, в доме отдыха ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта, хранится разгадка. Читается она так:

«Директору дома отдыха.

Танцевально-эстрадный или духовой оркестр клуба машиностроительного завода в составе 9—12 человек предлагает обслуживание отдыхающих вашего санатория (можно и близлежащего) сроком на один месяц БЕСПЛАТНО при условии предоставления каждому участнику оркестра жилья, полного рациона питания и лечения, согласно обычной путёвке, а также оплаты железнодорожного транспорта от Москвы в оба конца. Срок пребывания оркестра, порядок обслуживания отдыхающих и выплата транспортных расходов участникам оркестра должны быть оформлены договором, каковой будет заключён в случае получения от вас принципиального согласия».

Далее предусмотрительно указывается московский адрес до востребования.

Как видите, творение довольно ясное. Одно только неясно: каким же недугом страдают клубный оркестр и его попечитель Тененбаум? А знать это хотелось бы. В доме отдыха подсчитали с предельной точностью, что приём таких гостей обошёлся бы профсоюзной здравнице ни много, ни мало в двадцать с лишним тысяч рублей!

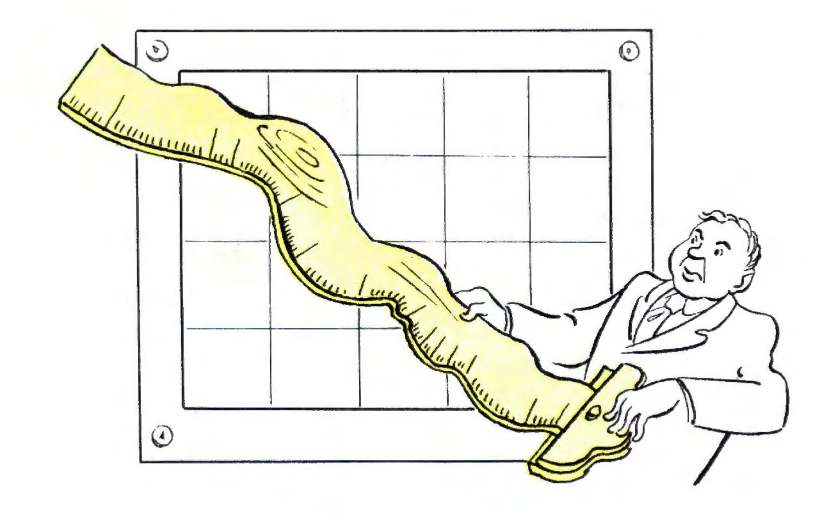
Арнольда Тененбаума это, очевидно, отнюдь не смущает. У него простой расчёт: авось, клюнет. Приманка-то всё-таки музыкальная!

Л. ВОЛКОВ

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

Сухумская фабрика А/О ГРУЗОГ выпускает чертёжные линейки очень плохого качества.

(Из письма в редакцию.)

Кривая работы сухумской фабрики.

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ

В НЕОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕСТВЕ...

Описанный М. Твеном редактор сельскохозяйственной газеты совершенно серьёзно уверял, что брюква растёт на деревьях, гусаки мечут икру, а тыква — самая съедобная разновидность апельсиновых.

С недавних пор газета в городе Ступино (Московской области) пошла по стопам этого незадачливого редактора.

С лёгкой руки редакционных работников с обработкой земли отлично справляются огурцы и помидоры.

В заметке «Пример, достойный подражания» сообщалось: «...школьный двор озеленён и возделан фруктовыми деревьями и кустарниками, не говоря уже об овощах».

За короткое время на страницах этой газеты была выведена невиданная до сего времени порода лошадей, отличающаяся редкой самостоятельностью: «...они (лошади), кроме вывозки навоза, за другие работы не берутся».

Немало полезного узнают ступинцы и о птицеводстве. Цыплятам с первых дней рекомендуется давать «в неограниченном количестве минеральные корма — песок, мел», после чего, если верить газете, «цыплята имеют хороший, бодрый вид». Этого, к сожалению, нельзя сказать о многочисленных читателях города Ступино, которых в неограниченном количестве угощают безграмотными сельскохозяйственными заметками.

К ОТКРЫТИЮ СЕЗОНА

Рис. Н. ЛИСОГОРСКОГО

Репертуар заполнили.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

Недавно заведующий клубом «Строитель» в г. Бежице, Брянской области, тов. Денисов удивил рабочих строительно-монтажного треста следующей широковещательной афишей:

> **Клуб «Строитель»**
> **Кино**
> **9 августа**
> **«ПРАВДА ХОРОШО»**
> **Начало в 7 и 9 час.**
> **10 августа**
> **«А СЧАСТЬЕ ЛУЧШЕ»**
> **Начало в 7 и 9 час.**

Тов. Денисов, повидимому, глубоко убеждён в том, что «Правда хорошо» — это одна комедия А. Н. Островского, «А счастье лучше»— другая. И уж никак не подозревает он, что речь идёт о широко известной комедии великого драматурга, экранизированной для кино в двух сериях.

Что и говорить: правда хорошо, и счастье неплохо! А было бы ещё лучше, если бы бежицкие «комедиографы» не вносили отсебятины в творческое наследие А. Н. Островского.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

Не приходилось ли тебе пользоваться водяными термометрами Иваньковского завода? Оригинальная продукция, смеем тебя уверить!

За последнее время наша водогрязелечебница получила несколько десятков термометров, изготовленных этим заводом. Все они оказались настолько своенравными, что просто диву даёшься. При совершенно одинаковых условиях каждый из термометров показывает температуру по-разному. Когда один свидетельствует о жаре в 30 градусов, то другой намекает

на лёгкий холодок, а третий пугает жгучим морозом. Сам водяной не разберётся в их показаниях.

Возможно, что на Иваньковском заводе считают свою продукцию качественной. Ох, ошибаются! От странных показаний их термометров бросает то в жар, то в холод.

Врач Г. АРШИНОВ

Курорт Моршин,
Дрогобычской области.

Уважаемый Крокодил!

Недавно мы купили патефонные пластинки. Принесли домой и, предвкушая удовольствие, решили проиграть их. Завели патефон, поставили пластинку «Песня смелых», и вдруг... вместо «Смелого пуля боится, смелого штык не берёт» услышали развесёлый голос Аршин Мал-Алана:

— Деньги есть? Есть, есть!

— Жена есть? Нет, нет!

Мы направились в магазин, перебрали там до двадцати пластинок, но все они оказались с той же загадкой.

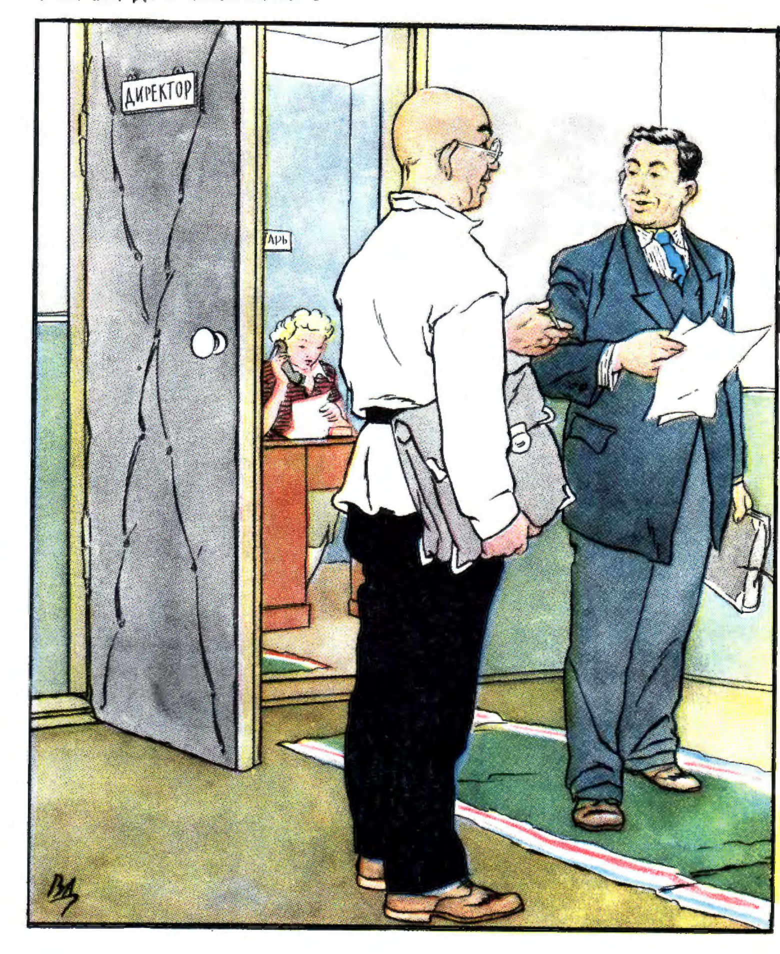
Дорогой Крокодил, не можешь ли ты выяснить на Апрелевском заводе граммофонных пластинок, чему нам верить: ушам или глазам?

В. КОЗЛОВ,
Н. ФРОЛКОВА

с. Неживка,
Чкаловской области.

Рис. Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

— Сегодня получил от директора приказ и не услышал ни одного бранного слова.

— Каким образом!

— Через секретаршу!..

Дорогой Крокодил!

Даже неуклюжая ворона легко перелетит с одного берега реки Десны на другой. К сожалению, людям такой способ переправы через реку не под силу. Обитатели деревни Бурцево предпочитали переправляться на другой берег по мосту. Но, как говорится, ничто не вечно под луной. Мост давно развалился, и по его жалким останкам нельзя ни проехать, ни пройти. А деревня большая, у бурцевских колхозников много дела и по ту сторону реки, да никому из них не хочется падать с обломков моста в реку.

Руководители нашего района давно знают о плачевном состоянии моста, но, очевидно, солидарны с одним из героев чеховского рассказа «Новая дача», Лычковым-отцом, убеждённо говорившим: «Жили мы без моста, не просили, зачем нам мост? Не желаем!»

И. ФИЛИМОНОВ

г. Наро-Фоминск,
Московской области.

Товарищ Крокодил!

Милости просим к нам в гости, в новый дом! Только не забудь, пожалуйста, захватить с собой лопату. Без неё ты через наш двор не проберёшься. Строители, закончив постройку дома, оставили жильцам на недобрую память большие кучи мусора, так что тебе придётся изрядно поработать, расчищая себе путь. Заранее приношу извинения за то, что после этой грязной работы не смогу тебе предложить принять ванну. У нас в квартире ванна проработала после нашего въезда всего три дня и была выключена. Вся беда, видишь ли, в том, что в проекте дома почему-то не указана кубатура ванной комнаты, а инженеры с газового участка вот уже многие месяцы не могут решить этой сложной проблемы.

Кстати, дорогой Крокодил, близко под окнами нашего дома не проходи: рамы у нас имеют тенденцию вываливаться; а когда войдёшь в дом, смотри под ноги, чтобы не провалиться в щели между досками пола. Если благополучно минуешь все эти опасности, будешь у нас желанным гостем.

К. ФЕДОТОВА

Ст. Текстильщики,
Курской железной дороги,
дом № 10а.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

◇ В № 13 был опубликован фельетон Л. Иванова «С больной головы» о том, как врачи Горьковской железной дороги перепутали больных и направили на лечение не того, кого следовало.

Главное врачебно-санитарное управление Министерства путей сообщения обязало начальника врачебно-санитарной службы Горьковской дороги тов. Шалавина навести порядок в лечебных учреждениях дороги. Врачу Мушкаровой объявлен выговор.

◇ В № 14 Крокодил просил слова по поводу плохой работы Кзыл-Ординского отделения общества по распространению политических и научных знаний. Лекции, организованные обществом, были низкого качества. По нескольку месяцев лекции не проводились совсем.

Вопрос этот обсуждался на заседании бюро областного комитета КП(б)К. Ответственному секретарю общества Косеубаеву объявлен выговор с занесением в личное дело. Косеубаев отстранён от работы.

◇ В фельетоне А. Ерохина «Старая знакомая» (Крокодил № 14) сообщалось о семейственности в горьковской больнице Верхне-Волжского водздравотдела, а также о грубости врача Владимировой, которая злоупотребляла служебным положением своего мужа.

После опубликования фельетона начальник Верхне-Волжского водздравотдела Хрисанфов с работы снят, главному врачу больницы Храмову объявлен строгий выговор. Врачи Владимирова, Хрисанфова и Сажина переведены в систему горздравотдела.

◇ А. Ф. Никашина (Куйбышевская область) обратилась в редакцию Крокодила с письмом, в котором жаловалась на грубость начальника районной конторы связи И. С. Зайцева и на неправильное увольнение её с работы.

Проверкой установлены факты зажима критики и грубого обращения с работниками со стороны И. С. Зайцева.

Зайцев с работы снят и строго наказан. А. Ф. Никашина восстановлена на прежней работе.

◇ По письму читателя Крокодила сняты с работы за семейственность в подборе кадров начальник Индигирского горнопромышленного управления тов. Смулов и начальник политотдела тов. Голоулин.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда". Адрес ред.: Москва, 40, ул. „Правды", 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно с 13 до 17 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 759. Подписано к печати 25/IX 1952 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 05843. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2436. Тираж 300 000 экз.

Рис. Л. БРОДАТЫ

В АВСТРИИ

— Теперь мне понятно, что такое американские темпы: за такой короткий срок американские оккупанты сумели довести нас до разорения...